„Пров 49“

ALEXANDRE AMFITEATROFF : Moderne Fabeln

THEIL IV

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

# СОВРЕМЕННЫЯ СКАЗКИ

4-ый выпускъ.

## Смерть Иронiи.

Издаются авторомъ въ пользу рабочихъ, пострадавшихъ въ петербургскомъ январьскомъ возстанiи.

ЖЕНЕВА.
Типографiя Бунда.
Imprimerie israélite, Rue de Carouge 81, Genève, Suisse.
1905.

„Пров 38“

„Пров 49“

ВСЕСОЮЗНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ
224592

# СМЕРТЬ ИРОНІИ.

# Смерть Иронiи.

(видѣнiе).

Я боюсь начать разсказъ,
Какъ умерла богиня Иронiя,
Потому что это очень печально.
И, когда я думаю о томъ,
Въ моей груди сжимается сердце,
И въ душѣ становится холодно и темно,
Какъ въ пастушьей пещерѣ,
Когда погаснетъ костеръ,
И свищетъ изъ ущелья полночный вѣтеръ,
И дряхлыя стѣны черныхъ горъ
Плачутъ ѣдкими слезами росы,
Разрушающей слоистый камень.

Ахъ, моя богиня Иронiя
Была веселая женщина,
И съ нею легко было жить на свѣтѣ!
Ея тонкiя, гордыя уста
Ни за что не хотѣли сомкнуться
Въ прямую линiю,
Въ серьезную, твердую линiю,
Потому что всегда играли улыбкой:
Дерзкою улыбкой познанiя добра и зла

И рожденныхъ ими отрицаній;
Умною улыбкой бодрыхъ сомнѣній,
Низвергающихъ прошлое
Въ недовольствѣ настоящимъ,
Чтобы вызывать къ жизни
Разгадки будущаго;
Хитрою улыбкою насмѣшливыхъ вопросовъ,
На которые нужны прямые отвѣты...
Ахъ, эта улыбка богини Иронiи
Давала свѣтъ и смыслъ моей жизни!
Какъ міръ потемнѣлъ безъ богини Иронiи!
Какъ опустѣло, какъ оглупѣло существованье!

Моя богиня Иронія
Была веселая женщина,
И съ нею легко было жить на свѣтѣ!
Она улыбкою равняла жизнь:
Погашала скорби нужды,
Смягчала горечь обиды,
Просвѣтляла угрюмый гнѣвъ,
Заслоняла отъ тоски и страха,
Укрощала порывы самолюбья,
Усмиряла жажду богатства,
Затмѣвала соблазны золота,
Отучала отъ сытыхъ радостей,
Будила совѣсть, призывала стыдъ
И надѣвала узду на капризы страсти.

Моя богиня Иронія
Была веселая женщина,
И съ нею легко было жить на свѣтѣ!
Она смѣялась всегда —
Въ богатствѣ и нищетѣ,
Въ счастьи и несчастьи,
На высотѣ и въ униженьи...
Смѣялась въ одиночной тюрьмѣ
Стихамъ, которые написалъ на стѣнѣ прежній узникъ,

Визгливому скрипу ключа въ замкѣ
И усищамъ сердитаго часового.
Смѣялась въ безснѣжной сибирской степи
Морозу и четвероногимъ волкамъ,
Хотѣвшимъ съѣсть и меня, и ее,
И тѣхъ двуногихъ волковъ,
Что везли насъ съ нею въ изгнанье.
Смѣялась, когда грозилъ и топалъ ногами тиранъ,
Смѣялась, когда онъ глупо льстилъ
И ловилъ насъ на ласковыя рѣчи.
Смѣялась надъ умильными надеждами простаковъ,
Смѣялась надъ тонкими затѣями плутовъ,
Смѣялась надъ малыми дѣлами великихъ людей,
Смѣялась надъ великими пошлостями маленькихъ людишекъ.
Смѣялась надъ словами, огромными, какъ Эльбрусъ,
Смѣялась надъ кукольными подвигами,
Ростомъ не выше лубочной горы,
Съ которой дѣти на Пасхѣ катаютъ красныя яйца.
Ея смѣхъ, какъ злой ядъ, обжигалъ врага,
Ея смѣхъ, какъ маякъ, свѣтилъ другу.
Умерла богиня Иронія,
И нѣтъ ея больше со мною!
Умерла богиня Иронія.
И сжимается мое старое сердце!

Я помню: мы, вдвоемъ, стояли на высокомъ столпѣ
И смотрѣли внизъ на большой, бѣлый городъ.
И бѣлый городъ сдѣлался краснымъ:
Его небо запылало заревомъ,
А дома и мостовая облились кровью.
И гудѣли кровавые колокола,
И плакали часы на городскихъ башняхъ,
И тряслась земля... Но мы стояли на столпѣ,
На содрогавшемся столпѣ,
Подъ крыломъ ангела,
Огромнаго мѣднаго ангела, холоднаго, какъ ледъ,
Одѣвшій въ чешую его звонкое тѣло,

Съ хрустальными льдинами въ глазахъ,
Поднимавшаго безсильный и нѣмой крестъ
Мерзлою, недвижною рукою.

И чернѣли подъ нами, какъ тучи, толпы людей,
И, какъ тучи, сшибались толпы съ толпами,
И, какъ въ тучахъ, въ толпахъ гремѣлъ громъ
И сверкали молніи смерти.
И — распластавшійсь надъ городомъ
Желтымъ, отвислымъ брюхомъ,
Какъ старый, голодный паукъ, —
Хохотала и выла въ тысячу пастей
Тысячеголовая ненависть,
Сжимая толпы въ гигантской рукѣ,
Такъ что сквозь черные пальцы
Брызгала фонтанами
Алая, свѣжая кровь
И, упадая на снѣгъ,
Прожигала его
Тяжелыми каплями...
Въ розовыхъ пятнахъ сугробы
Страшно глядѣли,
Смятые, жалкіе,
Какъ исполинскіе бѣлые кролики,
Обреченные смерти,
Ждущіе смерти,
Съ ужасомъ смерти
Въ меркнущихъ красныхъ глазахъ.

И люди людямъ кричали: Свобода!
И люди людямъ отвѣчали: Смерть!
И я видѣлъ, какъ крылатая туча коней,
Скрипя стальными зубами,
Топтала женщинъ, топтала дѣтей,
Упавшихъ предъ нею на колѣни.
И я слышалъ, какъ хрустѣли хребты,
Раздавленные копытами, одѣтыми въ желѣзо.

И выли люди, и проклинали людей!
И тѣ, у которыхъ были ружья, стрѣляли въ безоружныхъ,
И безоружные падали, падали, падали...
И каждый, падая, кричалъ: Свобода!
А молніи крылатой тучи отвѣчали: Смерть!

И не стало снѣга въ бѣломъ городѣ,
И одѣлся онъ въ кровавую грязь.
Она плыла, красная и коричневая,
Гнусною жижею въ которой отражалось солнце.
Багровое, толстое солнце,
Съ опухшими, заплаканными глазами,
Пьяное отъ запаха крови.
И выше, и выше поднималась, какъ опара,
Красно-коричневая грязь,
Подъ дымною вонью пороха.
И въ ней барахтались конвульсіями смерти
Руки и ноги
Упавшихъ, тонущихъ, захлебнувшихся бойцовъ.
И могильный орелъ съ огненными глазами,
Привычный кормиться мясомъ храбрыхъ,
Кружилъ надъ хаосомъ живыхъ и мертвыхъ,
Искалъ себѣ въ пищу свѣжаго мяса
И пронзительно кричалъ о голодѣ и злобѣ:
Смерть! Смерть! Смерть!

И не стало улицъ въ бѣломъ городѣ:
Остались кровавыя рѣки,
Текущія въ берегахъ домовъ,
Подъ багровымъ солнцемъ,
Красно коричневою грязью, —
Подъ багровымъ опьяненнымъ солнцемъ.
Заплаканнымъ солнцемъ!...
Подъ туманомъ смраднаго дыма,
Отравленнаго міазмами убійства;
Подъ свинцовымъ грузомъ воплей и стоновъ,
Дерущихся въ воздухѣ другъ съ другомъ,

Рвущихъ волосы, ломающихъ руки,
Полныхъ вызова, проклятій, ругательствъ,
Зубовнаго скрежета и напрасной мольбы о пощадѣ!
Подъ лязгомъ угрожающей стали,
Подъ грохотомъ залповъ и стукомъ барабановъ,
Подъ наглымъ воемъ трубы,
Торжествующей шествіе смерти;
Подъ крылатою тучею, растоптавшею трупы;
Подъ крикливымъ, ненасытнымъ орломъ, —
Въ свирѣпомъ трепетаніи крылъ,
Надривающимъ глотку
Хриплымъ визгомъ объ убійствѣ,
Чтобы заглушить предсмертный лепетъ
Прострѣленной пулями свободы...
Кровавыя рѣки!
Кровавыя мертвыя рѣки!
Ядовитыя, медленныя рѣки!
Тяжело вскипѣвшія, какъ сургучъ,
Густою, кирпичною пѣной,
Ползущія коричневою грязью!

И трупы бѣлѣли въ нихъ, всплывая, какъ плотва,
Одурманенная кукельваномъ.
И взмывала поганая, вонючая волна
Все выше и выше,
Къ ступенямъ подъѣздовъ,
Къ карнизамъ оконъ,
Ломилась въ двери,
Стучалась въ стекла.
И руки раненныхъ, цѣпкія, какъ крюки,
Хватались за карнизы, переплеты рамъ и скобы,
Но — кричалъ кровавый, не дремлющій орелъ,
И изъ послушной крылатой тучи
Падала молніей синяя сталь...
И прыгали обрубленные пальцы,
Какъ морковь подъ сѣчкою повара,
И, тяжко рухнувъ, погружалось тѣло

Въ красно — коричневую грязь.
И вскипала сургучная пѣна.

Все выше и выше взмывала волна,
И—вмѣстѣ съ волною, качаясь на гребняхъ ея, —
Стучалось въ двери домовъ
Зубатое, съ выпученными глазами, Убійство.
И—вмѣстѣ съ волною, качаясь на гребняхъ ея, —
Заглядывало въ окна домовъ
И кивало бритой головой,
И строило дикія рожи
Тонконогое, слюнявое Безумье.
И я видѣлъ, какъ люди въ домахъ,
Рыдая, ломали руки и считали свои семьи.
Ограбленныя смертью и тюрьмой,
И отцы не досчитывались дѣтей,
Дѣти—отцовъ, жены—мужей, и братья—братьевъ!...
А Убійство и Безуміе смѣялись въ окна.
Пили водку и кричали: ура!...
И люди, въ отчаяніи, грозили имъ
Безсильными кулаками...
Все выше и выше всплывала волна.
И тѣ, кого она настигала,
Умирали даже прежде, чѣмъ утонуть,
Умирали отъ содроганій отвращенья!

И обернулся я къ моей богинѣ Иронiи,
И схватилъ ее за руку,
Грубо сіватилъ, какъ врага,
И съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, сказалъ ей: — Что?
Ты видишь! ты слышишь! Гдѣ же твоя улыбка?
Спаси мой разумъ!... За что?... За что?..
Твоя улыбка всесильна... Смѣйся, молю тебя!...
Спаси меня отъ ужаса! Я не могу больше!...

Но молчала богиня Иронiя,
И блѣднѣе снѣга было ея лицо;

И сложились въ прямую линію,
Строгую, мертвую линію,
Онѣмѣлыя, безкровныя губы;
И не мерцалъ огонь жизни въ застылыхъ глазахъ:
Какъ въ мутномъ, холодномъ стеклѣ,
Недвижно стояли въ нихъ
Точки тусклаго свѣта.
И, когда шевельнулись ея уста,
Они шевельнулись не для улыбки:
Четыре слова вырвались изъ нихъ,
Вырвались на волю четыре хриплыя слова!
И первое слово было: — Туда!
А три остальныя: — Умереть съ ними!

И, связанный ужасомъ, видѣлъ я,
Какъ она оторвалась отъ крыла ангела,
И ринулась внизъ со столпа
На кровавую площадь.
И я видѣлъ, какъ шла она въ толпѣ.
Будто заведенный автоматъ,
Или соннамбула, скользящая по крышѣ:
Шла туда, гдѣ умирали люди,
Захлебываясь красною волною,—
Подъ хохотомъ Убійства и Безумья,
Подъ молніями крылатой тучи,
Подъ когтями жестокаго орла...
И я видѣлъ, какъ волна лизнула ея ноги,
И вздрогнула богиня
Гадливымъ трепетомъ отъ темени до пятъ, —
И трепетъ ея былъ судорога.
И, глядя, какъ сотрялось ея хрупкое тѣло,
Я угадалъ въ ней отчаянье смерти,
Я понялъ, что ея больше не будетъ!
И я закрылъ, закрылъ свои глаза,
Чтобы не видать, какъ она, безпомощная, погибнетъ!..
Только слышалъ, какъ завопила она
Смертельно раненною чайкой...

Слышалъ тогда, слышу теперь,
Всегда, всегда буду слышать!...
И этотъ вопль ея былъ послѣдній вопль,
Послѣднимъ воплемъ она плюнула въ глаза убійцамъ!..
О, этотъ вопль ея! этотъ послѣдній вопль!
Бредомъ безумной тоски взлетѣлъ онъ въ небо
И наполнилъ мучительнымъ гнѣвомъ дрожащую ширь,
Какъ сломанный громъ недовершенной мести:
Стонала въ немъ жгучая боль,
Ревѣло въ немъ ярое проклятье,
Плакалъ стыдъ
И гремѣлъ предсмертный восторгъ:
Долой убійцъ! Да здравствуетъ Свобода!

Когда же я осмѣлился
Взглянуть въ ту страшную сторону
И, — съ камнемъ на сердцѣ,
Тяжелымъ, какъ Петрова скала,
Съ горломъ сжатымъ веревкою
Удушья безъ слезъ и рыданій, —
Искалъ полузрячими глазами,
За пологомъ дыма:
Гдѣ, гдѣ моя богиня Иронія?
Гдѣ, гдѣ моя золотая подруга?
Только сургучная пѣна кипѣла тамъ,
Бурля надъ бѣлымъ, бѣлымъ, бѣлымъ...

Такъ умерла богиня Иронія,
Такъ умерла моя подруга —
Умерла отъ ужаса и отвращенія,
Осквернившихъ ея нѣжную душу,
Умерла отъ гнѣва и жалости,
Надорвавшихъ ея веселое сердце,
Умерла отъ скорби по Свободѣ,
Которую растоптало насилье...
Умерла богиня Иронія!
И я одинъ, и боюсь о томъ говорить и думать...

Умерла богиня Иронія!
И я не знаю, какъ я безъ нея буду...

Простите, что безумны мои слова:
Я говорилъ вамъ, что это печально!..
Ея предсмертный вопль, — я слышу его! —
Долой убійцъ! Да здравствуетъ Свобода!
Она умерла, но вопль живетъ:
И днемъ, и ночью имъ полны мои уши!
И мнѣ не разстаться съ нимъ никогда —
Я живу, чтобы слышать, помнить и ненавидѣть!
Наслѣдствомъ вопля пропитана мысль,
Въ надеждахъ вопля сливаются чувства...
И жить для меня значитъ — слышать вопль,
И вся моя жизнь становится воплемъ!..
Простите, что безумны мои слова:
Я говорилъ вамъ, я говорилъ, что это будетъ печально!..

Римъ.

31 января (12 февраля) 1905 г.